

ГЛАВА 3.

Петроград, Ленинград.

Позади Лебедянь, годы тревог и походов. Теперь впереди новая неизвестная жизнь в чужом большом городе. Вот он туманный Ленинград и мосты, и золочённые шпили зданий и купол Исаакиевского собора, и я маленький человек на этой огромной площади.

Стал на учёт я в Василеостровском райкоме РКСМ.

Попробовал заговорить о работе.

- На работу тебя направить сейчас никак не можем.

- Становись на учёт на бирже труда только особенно не надейся безработных очень много.

Это говорил Костерев секретарь Райкома. Он указал на своего помощника Сашу Звонарёва.

- К нему похаживай, что-либо придумаем.

Звонарёв был очень занят, рылся в папках, ругал кого-то по телефону и наконец обратил на меня внимание.

- Чего же ты сидишь здесь, шёл бы домой, а завтра пришёл бы, так к вечерку.

Куда это домой, я тут чужой человек, приезжий. Думал вы направите на работу.

- Ночевать где думаешь? Здесь что ли? Деньги у тебя есть?

- Ну ладно, я тебе дам талоны в столовую.

Он открыл ящик стола и достал книжечку с талонами и оторвал мне добрый десяток. Разыскав столовую, я знатно пообедал и пошёл на Биржу труда. Около Андреевского рынка остановился и ко мне подошёл парень в кожанке.

- Что делаешь? Как ничего. Совсем ничего? Ну давай сделаем сменку.

Снимай сапоги вот эти тебе будут хороши. Он вытащил из мешка какую-то рвань и протянул мне.

- Чего отворотился? Это же не сапоги, а дом. Куда пошёл?

- С тобой же по-хорошему...

Случайно подслушал разговор о каком-то Рабфаке. Ребята работают и учатся. Такая комбинация была мне по душе. Узнал я и адрес ближайшего Рабфака ЛГУ не только адрес, но и дом общежитие на самом конце №13 линии «НЬЮ ЙОРК4». Там приём был простой ночевать сколько угодно можешь только если будешь учиться.

Но ночёвки и знакомства с вечно голодными студентами скоро благополучно закончились. Мне Звонарёв вручил записку на один из заводов района ЛТЗ им. КАЛИНИНА.

- Найдёшь там товарища Кроликова и отдай ему. Другому бы не дал надеюсь, что будешь вести комсомольскую работу.

Радостно, со всех ног пустился я на поиски этого завода и когда нашёл поразился его величине. Через проходную пропустили и предупредили, что товарищ Кроликов и есть директор завода.

К нему я попал довольно быстро и войдя в его рабочую комнату удивился её бедной обстановке и простоте общения.

Не знаю, что там было написано в этом письме, но я увидел за столом простого рабочего в очках и с ним ещё двоих с закопчёнными лицами. Кроликов медленно прочитал письмо и протянул его своему соседу.

— Всё это ладно. Прочитав письмо, сказал, смотря на меня поверх очков рабочий. — Ну а специальность у тебя какая-либо есть?

-Кончил курсы электромонтёров только.

- Ну что-ж, тогда к Семёнову, в тринадцатую.

-Пиши заявление и оформляйся.

Выйдя из кабинета, с помощью секретаря я написал своё заявление и скоро с зажатым в кулаке рабочим номером с волнением открывал дверь в тринадцатую мастерскую.

Там в дыму и лязге железа мне указали на стеклянную будку

- Там мастер.

В будке сидел за столом «сам» мастер Михаил Никитич Семёнов.

-Что? Ко мне в мастерскую? Давай, Давай. Обожди малость. Я сейчас. Он погрузился в свои наряды, а я вышел в мастерскую. Там стоял гром и визг. Какой-то старик клепал железные листы к угловому железу. Работают станки строгая медную доску, пахнет спиртом и горелой канифолью. Высокий токарь с усами обтачивает коллектор динамо.

-Эй ты как тебя... иди от сюда. Зовёт из будки мастер и протягивая мне карандаш бурчит недовольно, а в шуме не разберу, что ему надо.

- Зову не дозовусь... Вот смотри, та лампа в коридоре пришёл зажжёт, прошёл — погасил на другом конце, на рисуй схему.

Да это же обыкновенная проходная лампа. Быстро я поставил точки контактов переключателей и соединил провода. Протянув руку мастер взял схему и положил к себе в карман. Он нагнулся и вытащил из-под верстака куски кабеля. — Вот возьми и срази кабель.

Как сразить? С бронёй оплёткой и свинцовым покрытием?

- Ну что выдумал. Такое дело у нас никто, пожалуй, не сделает.

-Срази проводник. Он ушёл, а я огляделся вокруг и увидел, что на меня смотрели несколько человек с явным желанием помочь.

Теоретически я знал способы соединения, но на практике ещё не делал таких вещей. Расплести, разогнуть и через одну обогнуть кабель.

Пока я думал парень, стоящий за тисками, мимоходом бросил

-Разрежь оплётку на полметра от концов и обвяжи проволокой.

Теперь вспомнил. Снимать слой за слоем и всё обвязывать проволокой.

Энергично принялся за дело и вскоре оглянувшись увидел одобрителные кивки головой соседей по длинному верстаку.

Наконец проводники обнажены, и я сделал две красивые розетки из разогнутых проволок, а что делать с серёдкой?

- Чего стал. Выкусывай её совсем и зажимай в двух тисках.

Едва я начал соединять подошёл мастер взглянув отошёл ничего не сказал. Подошёл старик, клепавший ящики.

- Ты теперь обкрути тряпкой.

Наконец два проводника обнажены и я, крепко обняв концы изоляции начинаю разгибать проволоки. Получились две красивые розетки, а середина торчала ничемным пучком, что с ней делать теперь?

- Серёдку выкусывай совсем, зажимай кабели в двух тисках и стыкуй.

Едва я зажал оба куска кабеля и начал стыковать розетки подошёл мастер.

-Круче заводи, а то не подтянешь!

Пропущенные проволоки хорошо подтягиваются, обкручиваются и довольно ровно ложатся. Подошёл старик, клепавший железные ящики.

-Ты теперь тряпкой обкрути и с нажимом крепко обкручивай, они все выравниются. У стенки валялась ветошь, и я пустил её в дело.

- Ну ка покажи, что ты сотворил. Мастер поднял тяжёлый кабель и покачал сросток. Кто-то рядом громко сказал: - не плохо, а совсем не плохо!

Мастер обернулся и как-то странно усмехнулся.

-Ведь помогали ему вижу! Тут все в мастерской зашумели, стали говорить мастеру, что никто даже не подходит к этому верстаку.

Мне стало как-то радостно, что они приняли меня в свою семью.

Потом он позвал меня в будку и стал расспрашивать какие сечения кабеля нужны при разной длине и разной мощности мотора, питаемого кабелем.

Потом я поднапорол не разобравшись в устройстве зарядного агрегата.

- Ну ладно, всё даю шестой разряд и пойдёте работать под руку к Орлу, потом по моторам.

- Орёл! Получай себе подручного!

Оказалось, что Орёл это и есть тот самый дядька с вислыми усами.

Он оглядел меня, поздоровался, спросил как зовут и дал мне одеть старые старые, измазанные штаны из парусины.

- Знаешь, что такое пирометры? Нет? Ну сегодня узнаешь, будем их устанавливать в нагревательных печах.

В большом цехе всё гремело и визжало. Шёл прокат бронзовых палок в вальцах, где они становились тонкими и после отжига проволочились в длинных волочильных станках со скрипом и визгом. Она наматывалась на большие барабаны, ограждённые железной стенкой.

Когда мы проходили мимо раздался громкий удар. Это конец проволоки выскочил из глазка. Я вздрогнул, Орёл оттолкнул меня в сторону. Сзади два чумаых парня ругаются, что ход потеряли они ведь толкали вагонетку весом не менее тонны.

-Кричу тебе, а ты не слышишь, ничего тут рот разевать!

В печах бушевало тёмное пламя, и облитые потом рабочие открывали заслонки наблюдая за нагревом. Пирометры были вмазаны в печи и наше дело было устроить проводку и установить приборы.

-Ну, что начнём. Тащи стремянку по линии будешь долбить потолок.

Орёл быстро сделал разметку, и я начал зубилом и молотком пробивать дыры в потолке. В глаза сыпались мелочь и быстро устали руки. Опустив руки, я посмотрел вниз и увидел за печью чьи-то внимательные глаза под красной косынкой. С удвоенной энергией продолжал работать, передвигая стремянку. Вот и конец. Подошёл Орёл и посмотрев на потолок начал разматывать провода. Вмазали спирали и вскоре на щите. Стрелки у них плавно двигались и около них собрались рабочие печи. Они восхищались этой техникой и Орёл с довольным видом объяснил им как они работают. Так прошёл наш первый день, потом я сам стал делать все работы, была первая получка и выпивка. Как то получилось, что я стал участвовать в стенной газете молодёжи, потом стал комсоргом и ребята избрали меня в бюро коллектива молодёжи и вскоре пришлось защищать права рабочей молодёжи в заводском комитете куда меня неожиданно избрали на общезаводском собрании при выборах заводского комитета.

Так завязались самые тесные отношения с школой ФЗУ, с её воспитанниками комсомольцами, приобретающими там квалификацию.

-Ты нам помогай! Наш директор РАММ не даёт возможности провести собрание заставляет бегать для него за разными вещами и особенно он принимает комсомольцев. Действительно плохой оказался директор и завком скоро заменил его другим лицом, из рабочих. Вечером в клубе завода ребята участвовали в разных постановках и спектакли сменяли один другого. Хорошим режиссёром был некто Орешкин многому научивший наших ребят.

Заводской комитет в то время проводил большую работу не только в своём заводском клубе, проводились экскурсии в Петергоф, в дворцы и музеи, и, кроме того, давались ежедневно сотни билетов для бесплатного посещения театров и кинотеатров. Многие из этого количества использовались мною для организованного посещения и для себя.

Я полюбил завод и когда после гудка из ворот выходила огромная лавина рабочих, заполнявшая весь проспект, то идти в этой гуще народа было приятно, осознавая, что и ты часть этой огромной армии труда.

Здесь на заводе я проникся величайшим уважением к людям рабочего класса к этой великой дружной семье сплочённой партией Ленина, великим общим трудом для осуществления великих замыслов.

Ужасное известие о смерти В.И. Ленина заставило замереть весь завод. Люди бежали на митинг уже зная о страшной потере, которую нужно пережить, стиснув зубы и продолжая своё дело и все же стоя без шапок на сильном морозе роняли слёзы, стоя над толпой после первых слов секретаря парт.бюро Масальского. Завод стал. По всему Васильевскому острову загудели заводские гудки. Опустив головы, вздыхая и скупно переговариваясь расходились по домам после работы.

В день похорон В.И. Ленина весь завод в громадной колонне шёл на Марсово Поле, к могилам Жертв Революции. Мороз был крепчайший, люди шли молча чтобы отдать последний долг тому, кто за них отдал свою жизнь.

Над колоннами с рёвом проносился самолёт, тупорылый с красными звёздами на крыльях. Он то падал носом вниз на центр поля, то взмывал круто вверх и уходил для нового захода. Много лет спустя я встретил лётчика, который так отчаянно летал тогда. Это был Василий Бубнов. Был командиром эскадрильи и за этот самовольный вылет был разжалован в младшие лётчики.

После похорон в первичные организации стали поступать сотни заявлений о приёме в партию, они не сговаривались вступать в партию, это делалось по заявлению сердца каждого кто хотел чем-то помочь нашей партии и Родине в её страшном горе, хотел строем встать на место, опустевшее в партии.

Это потом назвали, великим движением рабочего класса.

Работал я теперь в две смены и мог иметь свободные вечера. Завком одобрил мою работу по защите прав молодёжи и даже на профсоюзном собрании председатель т. Кауст одобрительно высказался по поводу своевременного вмешательства в дела школы ФЗУ. Особенно приятно было выслушать похвалу после моего выступления на съезде фабзавкомов во дворце Труда, после которого оно было напечатано в три строчки в Ленинградской

Правде. Это всё отразилось и на моей производственной деятельности. Однажды вызвали на центральную электростанцию и там я увидел своего мастера и инженера Керблая. Они устроили мне экзамен по электротехнике и практике работы с механизмами. -Вот зачем мы Вас позвали, нужно изучить станцию распределение, научиться включению генераторов синхронно и всяким переключениям по выравниванию фаз. Будете работать дежурным у пульта и генераторов.

-При условии, что всё освоите на отлично. С богом!

Так я стал дежурным и целый месяц готовился к строгому экзамену.

Дежурил я с удивительно спокойным и добродушным Андреем Лукичём, который не мешал мне читать книги на дежурстве ночью и учил меня хитрому делу синхронного включения на большом генераторе синхронном моторе который мог после раскрутки и включения нам давать ток мог даже несколько поднимать вольтаж в сети. Теперь я работал в три смены и времени стало ещё больше и можно было подумать о учёбе. В это время я поступил на рабфак ЛГУ и начал всерьёз заниматься математикой. Однако нужно было посещать занятия днём и пришлось просить перевести меня только на ночную работу. Это было большой ошибкой. Проявляя самые нечеловеческие усилия, я, всё же засыпал на уроках и получал сначала толчки в бок, а потом пинки при каждой попытке захрапеть. Это было самоистязание и тянулось оно до того, как я, однажды дома выпив чай после смены присел на кровать и ...заснул.

Подняв голову, увидел на будильнике, что проспал ровно шесть часов. Но на другой день, даже не выпив чай я на уроке позорно заснул и меня растолкали мои соседи по парте, и преподаватель удивлёнными глазами смотрел на мои попытки привести себя в норму путём щёлканья себя по носу линейкой.

-Вы, что заболели? Он удивлённо нагнулся ко мне.

-нет, я здоров ... только спать мне не приходится.

За меня всё досказали мои товарищи и наш преподаватель посоветовал мне пойти домой и хорошенько выспаться.

-Потом придёте поговорим как лучше работать и учиться, что-либо устроим.

На этом вся моя учёба тогда закончилась. Нечего было мудрить, и я смалодушничал. Переходить на вечерний Рабфак было нельзя по ряду причин. Одна из них — это посещение занятий в партийной школе Василеостровского РК7.

За это время слышал выступления Зиновьева, Сафарова и Бухарина. Стал я кандидатом в члены партии и стал с увлечением заниматься

пропагандистской работой. Постепенно жизнь завода стала моей собственной жизнью, и какая-то другая была просто невыносимой.

Наш завод носил имя Всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина. На заводе в то время ещё были рабочие помнившие Михаила Ивановича по работе на заводе. Один из них большевик Яковлев частенько писал в Москву письма Михаилу Ивановичу с приглашением приехать на завод. О его приезде говорили давно и казалось, что это никогда не сбудется.

Но однажды председатель завкома товарищ Кауст мне шепнул, что через час сюда приедет товарищ Калинин и предложил найти хорошего фотографа и срочно вызвать сюда. Был на Васильевском Острове такой фотограф по фамилии Мантейфель, когда он узнал о нашем предложении то очень быстро собрал свою аппаратуру, обвешался коробками с кассетами и почти бегом отправился к заводу.

На огромном дворе напротив завода собрались несколько тысяч рабочих. И вот перед двором останавливается автомобиль и из него выходит такой знакомый по портретам М.И. Калинин, а с ним наш товарищ Кауст и директор завода Кроликов. Сзади идёт и товарищ Яковлев его друг по заводу в прошлом. Вот они поднимаются по лесенке на сцену-трибуну и под треск аплодисментов занимают места за столом. Михаил Иванович, пройдя на сцену не садиться за стол, а проходит на край сцены и громко здоровается с рабочими. Он снимает при этом головной убор и кланяется и подняв руку просит тишины. Замолкает радостный гул голосов и товарищ Калинин говорит.

-Меня все здесь просят рассказать о политике, о нашей политике. Теперь вы все стали политиками и разбираетесь во всём хорошо.

По народу пробежал гул, многие заулыбались, даже кто-то зааплодировали.

...

Запомнились эти слова выступления, Михаил Иванович долго говорил о росте нашей промышленности и уменьшении безработицы, о крепнувшем международном положении нашего государства. Потом задавали много вопросов и отвечал на них М.И. очень просто и понятно. Тут только я заметил метавшуюся со своим станком фотографа Мантейфеля его ругал какой-то другой фотограф (это был Булла) и они оба торопились снять сцену и когда все стали сходить вниз они оба установив фотоаппараты снимали М.И. Калинина с рабочими. Меня позвал товарищ Кауст и я очутился вблизи товарища Калинина и сфотографировался с ним. Не желая упустить благоприятный случай я обратился к Михаилу Ивановичу с вопросом о том как можно помочь нашей молодёжи ибо начала распространяться сеть пивных и ресторанов и уже многие вовлекаются в неё и особенно, в дни получек много

пьяных ребят. Обернувшись ко мне, он на ходу взял меня под руку и сказал, что он знает и про это, и про ещё худшие дела. Он сказал, что Советская Власть решила строить в больших городах дворцы культуры и таких даже два на Васильевском Острове будет построено два. Вот это и будет для молодёжи то чего не имели мы. /то есть молодёжь до революции/

Тут какой-то здоровенный дядя вежливо отпихнул меня в сторону, и я больше за толпою ничего не видел.

-До свидания товарищи! Я ещё у вас буду! Потом шум т прощальные выкрики. Все стали расходиться.

-Эх мало поговорили! Сразу видать свой брат рабочий. Да, Какой есть такой и есть, ничего из себя не показывает!

Так толковали, расходясь рабочие, довольные беседой со Всесоюзным Старостой.

Шли годы работы, размеренной и привычной. Но однажды ночью меня срочно позвали в единственную работающую ночью литейную. Там под потолком висела для освещения большая лампа и она погасла. Работа приостановилась.

Что же мне делать? На такую высоту не полезешь на лестнице-стремянке, а через потолок т.е крышу не достать. Ближе всего к лампе была вагранка, и площадка на высоте около десяти метров подходила всего ближе к лампе, висевшей на железном подвесе.

Мастер литейной предложил: - А если взять на площадку лестницу и привязав посередине крепкую верёвку наклонить её под углом сорок пять градусов и постараться подвести к лампе. Он обещал, что несколько человек будут страховать лестницу от поворота, ведь без света будет простой.

-Ладно, согласился я, давайте попробуем если можно, то я полезу.

Они долго возились на площадке упирая конец лестницы в вагранку, которую обвили верёвкой. Мне же предстояло обвязаться верёвочкой имея за спиной коробку с большой лампой и ползти по лестнице. Когда я прополз ещё несколько ступенек, миновал привязку верёвки и вдруг услышал треск дерева. Инстинктивно я прилёг, прижался к лестнице и подняв голову увидел, что железный подвес совсем близко от меня, но он словно взбесился и носится влево вправо причём ухитряется даже подпрыгивать кверху. Ещё на одну ступеньку, но подвес с лампой явно уходит выше. Очень было трудно протянуть руку и глянул вниз откуда ударил яркий красный свет.

Ох как я высоко! Одна нога опять начала дрожать, и я опять крепко прижался к лестнице. Ну ещё немного! Переполз по трещащей лестнице ещё

на одну ступеньку и почувствовал толчок по голове, и я схватил абажур. Теперь ты от меня не уйдёшь. Не глядя нащупал шейку лампы и начал её крутить, но она подавалась не сразу, и наконец я швыряю её вниз на пустое место.

Нелегко было достать из-за спины коробку и достать новую лампу. Теперь пригодилась верёвочка, она удерживает подвес и я, боясь уронить лампу, осторожно вкручиваю толстый цоколь в патрон «Голиаф». Вдруг лампа вспыхнула, и я услышал одобрителный гул. С пуск прошёл совсем хорошо и меня под руки подхватили стоявшие на площадке. Они, что-то говорили, но я был так поглощён своими переживаниями, что не мог ничего слышать.

Это дежурство запомнилось мне на всю жизнь.

Бурные события 1925 года во время 14 съезда партии в Ленинграде начались избранием на съезд делегатов подобранных Губкомом где секретарём был Зиновьев и райпарт. конференции только утверждали намеченных кандидатов. В Райкомах всё делалось по указаниям Зиновьева и его приспешника Евдокимова. Редактор Ленинградской Правды Сарафанов в каждом номере печатал нападки на ЦК. Зиновьев выступает на съезде с докладом к отчётному докладу т. Сталина. В эту борьбу стали впутывать и низовые первичные организации и даже Комсомольцев. Возникли настроения и обиды на ЦК за отпор, который получила ленинградская делегация на съезде. Стало известно и другое, что кандидатура начальника Политуправления Саакова была отклонена и на съезд он не попал. Ползли тревожные слухи о том, что предстоит свёртывание Ленинградской промышленности. Рабочий класс заволновался. Вот почему бьют нашу делегацию!

Меня вызвал секретарь П.О. Мусатов и вручил бумажку такого содержания:

Податель сего направляется на смольнинские курсы парт.орг.завода. В Райкоме было несколько таких как я кандидатов, пришедших на беседу. Мы не сговаривались, но на курсы пойти отказались. Уж больно плохим авторитетом пользовался Зиновьев и особенно Евдокимов. Зиновьев и Евдокимов ходили зимой в чёрных дублённых полушубках с серыми воротниками и в серых смушковых шантиях «гоголь». Это была какая-то подделка под народ, а тут ещё такое бабье лицо и тонкий голос. Сафаров приезжал на собрание и выступал с грубыми нападками на ЦК. В своей газете, был в ругани ядовит и изощрён.

К нам приехала делегация ЦК: Каганович, Ворошилов, Калинин и другие. Вечером в клубе тесно от народа. Мусатов требует чтобы комсомольцы не пускали в зал пришедших к нам в гости толмачевцев и не давали им места в зале.

На сцене появился Каганович, Ворошилов, Калинин и другие. В зале шумно, пришли слушатели Военно -политической Академии им. Толмачёва они стоят в проходах почти до самой сцены. На сцене стоял Ворошилов и пытался говорить, но ему не удавалось перекрыть шум своим голосом.

В зале раздавались крики:

-Хватит нас уговаривать! Разберёмся без тебя! Внезапно шум стал смолкать. На сцене вместо Ворошилова стоял Михаил Иванович Калинин. Трудно дословно передать его речь. Говорил он о доверии, говорил, что нужно выслушать посланцев ЦК., рассказал о том, как проходили выборы делегатов на съезд, о выборных «трюках» оппозиции на конференциях. Он буквально сказал, что оппозиция обманывала партийные организации и рабочий класс для того, чтобы вызвать недоверие к ЦК и заручиться поддержкой рабочего класса. Ленинград колыбель революции, и никто не посягал на ослабление Ленинградского рабочего класса, на свёртывание промышленности. Этого не было и не может быть.

Речь тов. Калинина была выслушана с величайшим вниманием. Никто из крикунов не посмел подать свой голос, никто не шумел и тогда, когда после Калинина выступил тов. Каганович.

Развеялась атмосфера враждебности и настороженности, многие облегчённо вздохнули. На сцене наши рабочие большевики они от имени собравшихся горячо благодарят М. И. Калинина и других прибывающих с ним членов ЦК. Это собрание окончательно развеяло туман, напущенный оппозиционерами и всякие попытки дальнейших активных действий терпели неудачи. Вновь завод стал получать газеты, московскую Правду и другие. Потом была смена всего партийного руководства и «болезнь» окончилась.

Шёл ли за оппозицией наш комсомол?

Бывший тогда секретарём Сергей Конов старался вникнуть в происходящие события и старался держаться подальше от указаний Мусатова. Помню такое распоряжение Мусатова, - комсомольцы должны не допускать газету «Правду» в завод расставить посты и газету по привозе тотчас свозить в кочегарку. Об этом нам сказал Конов и добавил, что только последняя сволочь может так поступить с органом Ц.К.

Да не было таких ребят, которые могли бы это сделать. Старый рабочий Андрей Лукич на электростанции спросил меня: - Знаешь ли ты как мы рабочие берегли членов партии, своих учителей? Как мы болели душой и переживали, когда шли аресты подпольщиков. Нам то были дороги листочки папиросной бумаги со словом партии.

Эх вы молокососы. По глупости у вас весь этот шум. Не против же своего ЦК идти? Ведь это замах на всю партию.

Он был когда-то давно, ещё до 1905 года в политическом кружке, но членом партии не стал, как говорил «по тяжёлым семейным обстоятельствам». Мне часто приходилось бывать в Райкоме по нашим комсомольским делам. Там я познакомился с Колей Фокиным, нашим представителем в губкоме союза металлистов. Был он очень болен в тот год, запоздало начал лечение и умер на курорте, в крыму в «Омеге». Для меня он был образцом комсомольского задорного, полного жизни и энергии человека. В Обкоме я однажды столкнулся с одним старым знакомым товарищем Алексеевым/имя его не помню/, он ведь в Лебедяни был одним из первых организаторов профсоюзов в 1918 году, а теперь здесь возглавлял Ленинградский союз Металлистов.

После нашумевшей ноты-ультиматума лорда Кезона наши демонстрации у здания английского посольства с хорошей декламацией:

-Английскому лорду – в морду!

Закончилась сбором средств на постройку эскадрильи самолётов «Ультиматум», «Ответ Керзону».

Наш райком поручил мне провести собрания молодёжи с записью добровольцев для школ Военно-Воздушных сил. Был дан лозунг «Комсомолец на самолёт». Записалось более ста человек и списки пора было представить Звонарёву. А тут пришла мне в голову одна изобретательская мысль о глушении звука выстрела. Пошёл к артиллеристам, испытывающим нашу продукцию на полигоне. Задумались они и послали меня в «Косартоп». Так называлась Комиссия особых артиллерийских опытов, а возглавлял её Розенберг, конструктор знаменитой батальонной пушки.

Он с интересом выслушал меня и сказал, что это трудная задача и принципиально нова по своей идее. Посоветовал практически подойти к решению и даже разрешил получить несколько старых винтовок для опытов.

-Не беда если и ничего из этого не выйдет. Прошу только написать, что было вами проделано.

Взволнованный шёл я с бумажкой от Розенберга в Артиллерийское управление. К моему удивлению, просьбу об отпуске трёх винтовок системы Бердана удовлетворили, даже не спрашивая зачем и куда они пойдут. И вот с накладной на винтовки я в Петропавловской крепости и наконец они, обсаленные, в масле, завёртываются мной в старое одеяло и едут ко мне в комнату, а я уезжаю далеко за город, в огнесклад за патронами. Но не так-то быстро дела делаются, пришлось помыкаться по цехам для простой сверловки

одного ствола, под косыми взглядами мастеров и любопытных. Кончилось тем, что я вместе с начальником механической мастерской стою перед директором завода и объясняю цель своей работы. Хорошо, что сохранилась бумажка с подписью самого Розенберга «Считаю целесообразным представить для опытов старое огнестрельное оружие».

- Господи боже мой, что я с вами буду делать. Уже второй завёлся.

Он горестно смотрел на меня и качал головой. Ну что же ты хочешь?

- Небось тоже скажешь дать отдельную комнату? Трушков теперь о станках хлопочет, дай ему токарный.

- Нет товарищ директор, я только в ночной смене немного буду работать.

Буду сверлить и ... стрелять.

- Ну насчёт стрельбы запрещаю. Раз и навсегда. Чёрт с тобой сверли. Не гоняй его Трофимыч пусть работает.

Выходя с мастером из кабинета директора слышим ворчание «эдиссоны...».

Ничего и говорить, что дела пошли сразу к испытаниям и вот однажды...

Мы стояли на самом краю канавы, окружающей старое Смоленское кладбище. И все с нетерпением ждали, когда я заряджу эту «Орудия».

Направив ствол с отверстиями и кожухом вниз, в канаву, я нажал спусковой крючок. Ребята окружающие меня попятились назад. Затвор тихо пополз вперёд и остановился. Ну давай, что же ты ... Густая смазка подвела и пришлось долго возиться пока затвор начал щёлкать. Ну теперь начнём испытание на глушение. Подняв «Орудия» я вновь нажал на спуск. Раздался ужасающий грохот, вспышка тёмного пламени и все заволокло белым дымом.

Смущённый и не понимающий, почему такой громкий выстрел, я смотрел на ствол винтовки.

- Давай Паша ещё разок. Здорово получается. Дай ка я вдарю из ней.

Но было ясно, что ничего путёвого пока не получилось. Ребята разочарованно смотрели на меня. И так закончился первый опыт. Пришлось написать Розенбергу и, к моему удивлению, я быстро получил ответ. В нём была такая фраза:

- Ещё ни у одного изобретателя не было случая, чтобы сразу всё получилось. Это даётся только трудом и у вас уже есть результат номер один, раздвиньте отверстия. Вам нужно отпилить использованный кусок ствола и сделать всё по-новому. Подайте в комитет новизны заявку.

Так я и сделал. Но сверлить и пилить не переставал, и однажды ещё раз вынес укороченный ствол и собрал дома винтовку. На этот раз отправился на

испытания один и добравшись до знакомой канавы, оглядевшись зарядил винтовку и выстрелил вверх.

Выстрел был, отдало в плечо, но совсем не так, как прежде. Звук стал другим, с каким-то шипением, даже как будто с эхом. Надо бы ещё разок попробовать, но сюда по верху канавы шли трое. Чего доброго, отнимут ружьё и ещё накомылят. Спустившись вниз, я торопливо зашагал домой. Взяться опять за это дело мне пришлось очень нескоро, потому что развернулись события, изменившие всю мою жизнь.

Началось со звонка из Василеостровского Райкома.

-Почему до сих пор не несёшь списки ребят желающих идти работать в авиацию, ведь после завтра начнётся комиссия. Чтобы сегодня был со списками. Когда я стоял перед столом Косарева и Золотарёв говорил об успешной записи на всех заводах и показывал ему мои списки – Косарев спросил- Как твоя фамилия? Как? Что-то не найду в списке.

-Меня там и нет.

-А как же это брат получается? Вы идите, а я подожду? Или совсем не пойду, буду дома сидеть?

-Нет я так не думал, слабоват я вот и не писался, всё равно пишите и меня, я ведь во флот думал попасть, пишите.

- Тут тебе будет и флот и что хочешь, а на счёт силёнки именно толстяков то не надо.

Он засмеялся и вписал меня в список.

- Ожидай вызова. Наверное, дня через три всех соберёшь и на комиссию.

Немного обескураженный шёл я на завод и там рассказал мастеру о своих приключениях. Он расстроено несколько раз сказал:

-А вот как некрасиво получается, учили тебя обучали, а ты теперь уходишь, а кого я теперь поставлю? Хоть бы загодя сказал, когда идти то тебе на комиссию?

Ещё до комиссии мне вручили большой пакет с патентом. Его на радостях пришлось обмывать и, какая чепуха все эти дела, ведь ничего не осуществлено. А вот комиссия состоялась через пару дней и мы в количестве двухсот человек бродим по длинным коридорам бывшего Павловского военного училища и робко заглядываем в классы через стекло дверей.